

Фридрих фон Халем

Историко-правовые аспекты проблемы Восток - Запад

Немногие вещи определяют наши представления об античном Риме в такой степени, как Римское право. И все же, мне кажется, историками часто недоучитывается место права в жизни Рима, развитие, которое оно претерпело в истории, а также влияние этого развития на всеобщую историю. Поэтому позвольте мне, как юристу, занимающемуся также историей, обратить внимание на некоторые из подобных явлений.

Сначала попробуем ответить на вопрос о происхождении права в Римской республике. Чисто фактически содержанием права, а юрист ведет речь о «материальном праве», была смесь трех компонентов, а именно: во-первых, предания или традиции - в таких случаях говорят об *обычном праве*; во-вторых, решений Сената и народа Рима (*senatus populusque Romanus*) - *узаконенное право*; и, наконец, в-третьих, выводов людей, занимавшихся правовыми вопросами или законодательством в Народном собрании или Сенате, выступавших представителями интересов отдельных лиц в суде а также умозаключений выносивших решения судебных чиновников. Все эти лица, в основном, доказывали или пытались доказать с помощью логических рассуждений, что конкретный правовой вопрос может быть решен только одним определенным способом, и что любое другое его решение привело бы к противоречиям в системе права - *право юристов*.

Взаимодействие этих трех компонентов - *обычного права*, *узаконенного права* и *права юристов* - нас в данном случае в деталях не интересует. Достаточно указать, что Римское право отличалось от правовых отношений народов за пределами Рима прежде всего тем, что право юристов в Римском праве играло исключительно важную роль.

Эта конструкция относится, однако, только к фактическим источникам права. Вопрос о собственном происхождении Римского права, о базисе, на котором оно покоится, при этом еще остается открытым. И получить ответ на него не так просто.

Если бы образованного римлянина, жившего в поздний период республики - к примеру во времена Суллы - спросили, каков основополагающий базис права, то он сперва, вероятно, вообще бы не понял вопроса. Если бы далее его спросили, имеются ли ограничения для законодателя и может ли последний издавать любой закон, то наш римлянин, вероятно, ответил бы, что Сенат и народ Рима могут принимать, конечно, только разумные законы. Но это рассуждение было бы

само собой разумеющимся. Если бы нашего собеседника спросили, могут ли Сенат и народ Рима издавать несправедливые законы, он бы ответил, что вопрос нелогичен, так как право определяется законом, следовательно, закон не может быть несправедливым. Припертый к стенке дополнительными вопросами, он бы стал уверять, что не может быть права вне или выше закона.

Если бы внимание нашего римлянина обратили на то, что согласно общепринятому принципу с помощью закона нельзя ни вновь установить монархию, ни прервать заключенные с другим народом и освященные клятвой договоры, то он, пожалуй, был бы не в состоянии, опираясь на систему права, дать на оба эти вопроса удовлетворительные ответы. Вероятнее всего, он бы сказал, что оба эти вопроса не имеют никакого отношения к праву в собственном смысле слова.

В любом случае можно утверждать, что праву Римской республики до первых столетий эпохи империи было чуждо противоречие между законом и справедливостью, абстрактной идеей права и конкретным содержанием права, так как над законодателями, другими словами, над Сенатом и народом Рима - а позже и над императором – не существовало более высокого источника права. В качестве единственного регулятора, единственного ограничителя законотворчества, законодательства и применения права фигурировал разум и здравый смысл.

Право и закон теоретически рассматривались как идентичные понятия. Если же на практике возникало противоречие, тогда это была просто ошибка, которую требовалось срочно устранить. В античном Риме право было не более чем продуктом деятельности государства и общества, точнее говоря, сформированного в государстве общества. Таким образом, источником права до первых столетий империи было сформированное в государстве общество.

Есть еще один важный вопрос, касающийся Римского права. Римское право было исключительно объективным правом. В теперешнем нашем правосознании мы привыкли рассматривать правопорядок определенного государства в виде системы, составленной более или менее искусно из суммы всех конкретных правовых норм. Отдельные правовые нормы, в свою очередь, регулируют в большинстве случаев права и обязанности отдельных лиц, например, покупателя, продавца, владельца собственности, налогоплательщика и т.д.

В современном европейском понимании права оно, как объективное право, разрешает конфликт между двумя или более субъективными правовыми отношениями. Приведу конкретный современный пример. Господин Майер одолжил господину Мюллеру деньги и хочет получить их назад. Господин Майер имеет субъективное право на получение этих денег. Господин Мюллер, однако, объявляет, что маленький сын господина Майера, приходя к его сыну, играл в его дворе со спичками и поджег сарай. Следовательно, отец должен возместить ущерб, который в денежном выражении больше одолженной в свое время суммы. Таким образом, по мнению господина Мюллера, он имеет субъективное право не выплачивать одолженную сумму, поскольку сумма за причиненный ему ущерб вы-

ше его долга. Господин Майер, со своей стороны, доказывает, что у него в доме сыну никогда не давались спички и что раз жена господина Мюллера разрешила детям играть со спичками, то он не должен возмещать ущерб, причиненный его сыном. Каждая из сторон заявляет о своем субъективном праве и оспаривает субъективное право другой стороны. "Право" же, как мы говорим, а именно: объективное право, решает, какое субъективное право в данном случае сильнее.

Такой подход был чужд Римскому праву. Сравним изречение юриста Паулуса в «Дигестах»: *Non ex regula ius sumitur, sed ex iure quod est regula fiat* ["Право не извлекается из правил, но из права делается то, что должно служить правилом"] (Dig. 50. 17, 1). В античном Риме существовало только одно объективное право, понятие субъективного права, как скажет юрист, *претензии*, было неизвестно римлянам. Следовательно, это объективное право не знало тех противоречий, которые постоянно и неизбежно возникают в противоборстве субъективных прав. Римский судебный чиновник решал не вопрос о том, какая из сторон имеет более сильное право, а какое содержание права как такового, вступает силу в данном случае. Даже неспециалисту ясно, что из этого возникала совершенно иная монолитная правовая структура, чем та, которую имеют современные правовые системы.

В отличие от современных правовых систем Римское право, являясь только объективным правом, было замкнутой системой, доведенной до совершенства, которая не только в теории исключала любые внутренние противоречия, но и на практике крайне редко переживала их. Если же неожиданным образом выныривало какое-нибудь противоречие, то в самой системе содержались отправные пункты для его разрешения с помощью логической дедукции. *При этом не требовалось, и мне это кажется чрезвычайно важным, обращаться к представлениям и суждениям о любых существующих ценностях, поскольку речь шла только о чистой юриспруденции понятий, которая не принимала во внимание интересы сторон.*

* * *

Кульминации своего теоретического развития Римское право достигло приблизительно во II в. по Р.Хр. Достаточно в этой связи назвать имена римских юристов Папиниана, Ульпиана, Гая, Марциана. Это было время, когда христианство также получило сильное распространение. Христианство и Римское право, объединившись в Западной Римской империи - и только там! - произвели на свет совсем новое и особое образование, которое мы сегодня называем "католицизм".

Подробности этого развития окончательно не выяснены и по сей день. Как и в начале XX столетия, они и сегодня являются предметом острых дискуссий. Стоит только упомянуть имена Адольфа фон Харнака, Эдгара Лёнинга, Рудольфа

Зома или Ульриха Штутца. Здесь не место подробно описывать это развитие, достаточно обозначить лишь несколько особенностей.

* * *

Первый выдающийся богослов Западной Римской империи Тертуллиан (вероятно, он и известный юрист-респондент¹ с тем же именем - одно и то же лицо; даже если это не так, по крайней мере он также имел глубокие юридические познания) рассматривал христианство как объект логических и рациональных конструкций, с помощью которых он пытался привести учение об искупительном подвиге Христа в наглядную и прежде всего не содержащую противоречий систему. Некоторые из его высказываний с трудом воспринимаются сегодня всерьез, например, тринитарное учение. Он утверждал, что триединство следует понимать как совокупность трех лиц, имеющих в собственности одну и ту же субстанцию. Причем эта собственность не является обыкновенной или долевою, а есть совместная, и даже не любая совместная собственность, а именно та, какая существует у наследников одного имущества, продолжающих имущественную общность. Разумеется, Тертуллиан детально разработал эту мысль в системе Римского права. Содержание этого учения кажется сегодня довольно курьезным, но для нас важны прежде всего формы мышления, которые впервые открылись здесь для будущих поколений.

Более важные последствия имела другая юридическая конструкция Тертуллиана, которая очень быстро распространилась на Западе, а именно: юридическая форма отношений Бога и человека. С принятием христианства через обряд крещения, а это касалось в те времена, как правило, взрослых людей, человек, согласно этому пониманию, заключал с Богом своего рода детально проработанный договор. В этой конструкции в меньшей степени интересно содержание самого договора. Более значителен тот факт, что Бог и человек встречаются на поле правовых отношений. *Таким образом, Бог также оказывается подчиненным праву.* Теоретически, конечно, всемогущество Бога этим не отрицается, поскольку Бог заключает договор добровольно. Но если уж Бог однажды его заключил, то он сам связал себя правовыми обязательствами, в соответствии с которыми человек в рамках договорных отношений может совершать определенные действия, *а Бог, со своей стороны, должен совершать ответные деяния.* Если первоначально отношения между Богом и человеком в христианстве опирались прежде всего на любовь и милость, то в дальнейшем место эмоционального фундамента заняли определенные правом договорные отношения. Вместо любви и милости отношения между Богом и человеком регулируются принципом "двойной бухгалтерии".

¹ Юрист-респондент - опытный юрист-эксперт, назначаемый императором, экспертиза которого была обязательной для суда.

Хотя это, конечно, только случайность, что древнерусская литература в числе сохранившихся памятников начинается проповедью киевского митрополита Илариона "Слово о Законе и Благодати", но "случайность" эта, если вдуматься, таит в себе дополнительный смысл. Тут именно встает вопрос о соотношении Закона и Благодати (то есть рационализма и эмоций).

Вполне логично, что вначале Тертуллиан, а впоследствии намного четче и яснее Киприан в своем сочинении "De opere et eleemosynis" [О (практическом) благочестии и о подаяниях] составляли целые каталоги грехов и благих дел - можно назвать их почти "прейскурантами". Причем (особенно у Киприана) точно указывалась сумма пожертвования для погашения каждого конкретного греха, так как Бог в рамках договорных отношений *принужден* привлекать благие дела для искупления грехов.

Не станем дальше вдаваться в подробности. Важно следующее: в Западной Римской империи в веру вторгается логически-рациональное мышление юриста, отношение к Богу в значительной степени освобождается от эмоций и подчиняется здравому смыслу, а сам Бог подчиняется праву.

* * *

Если юрист обучен такой правовой теории, как Римское право, которое не знает понятия субъективного права, претензии, и поэтому стремится к созданию закрытой системы, исключающей противоречия, то его мышление развивает особое понятие *истины*.

Оно не ограничивается правовой наукой, напротив, своими корнями уходит в математику и логику. Поэтому правильной было бы сказать, что юрист Западной Римской империи не развивал понятие истины, а так его трансформировал, *что стало возможно применять его к взаимоотношениям людей*. Впоследствии оно составило основополагающий базис права.

Через правовую науку это понятие истины проникло в христианскую веру Западной Римской империи, другими словами, в веру Римской патриархии (патриарх Римский носит *тиару*, то есть тройной венец: первый как епископ города Рима, второй как патриарх Запада, третий как папа Римский) и стало символом того, что мы сегодня называем "католицизмом". Следует отметить, что "католицизм" не трактуется здесь как противоположность "протестантизма", поскольку протестантизм в целом перенял это понятие истины. Лютеранство его скорее смягчило, кальвинизм его даже углубил. Католицизм рассматривается здесь больше как противоположность "православия". Речь идет о различиях между христианством Римской и Византийской империй.

* * *

Это новое, юридически оформленное рациональное понятие истины утвердилось настолько прочно, что создало целую культуру. Область, которую занимает эта культура, мы называем "Абендланд" (Abendland - буквально: "вечерняя страна").

Точного перевода этого термина на русский язык не существует. Обыкновенно его переводят словом "Европа" или словом "Запад", а иногда и словосочетанием "Западная Европа", что передает смысл лишь приблизительно. Известная и в свое время очень шумевшая книга Освальда Шпенглера "Der Untergang des Abendlandes" была переведена на русский язык под названием "Закат Европы", что не очень точно, ибо автор писал не о странах Европы, а о специфических чертах западноевропейской культуры, которые встречаются во многих, но не во всех странах Западной Европы.

"Абендланд" - это та территория, где понятие истины, которое в остальном мире применяется только в области математики, логики и естественных (точных) наук, применяется и в области отношений между людьми, где, следовательно, есть четкое разделение понятий "право" и "нравственность" ("справедливость"). Право можно доказать, как доказывается математическое правило, например, ссылкой на закон или решение верховного суда, а справедливость (нравственность) чувствуется, ее доказать невозможно.

Если хотят доказать, что нравственно (справедливо), а что безнравственно (несправедливо), тогда ссылаются на авторитет (Библию, высказывание святого, праведника, классика марксизма-ленинизма, президента страны) или на то, что это соответствует всеобщему убеждению. Но каждый математик объяснит, что ссылка на авторитет или на всеобщее убеждение - это не доказательство.

"Абендланд" не определяется географически, он распространяется на ту территорию, на которой царит *римское правовое мышление*. Это мышление присутствовало в католическом богословии и католической религиозной философии, в юриспруденции. Сегодня оно проявляется, главным образом в области так называемого "западного" политического мышления. В географическом отношении "Абендланд" постоянно расширялся и сегодня его можно определить как Западную Европу без Великобритании и без скандинавских стран. Этот процесс продолжается и в обозримом будущем, по крайней мере Великобритания и Дания окажутся составными частями "Абендланда". Я пользуюсь в данной статье терминами "Окцидент" и "окцидентальный", чтобы передать это понятие. Слово "окцидентальный" - противоположность "ориентального", которое иногда встречается и в русском языке.

Новое, юридически получившее законченную форму, рациональное понятие "истины" представляется нам (то есть жителям Окцидента) настолько само собой разумеющимся, что мы склонны считать его единственно верным понятием

истины. Порожденное этим несоответствие в течение уже полутора тысячелетий определяет отношения между странами Окцидента и всем остальным миром. Поскольку это несоответствие, собственно, и является основной темой данной статьи, не помешает дать еще раз более подробное определение этого понятия истины. Не потому, что оно для нас (т.е. жителей Окцидента) не естественно, наоборот, потому, что оно для нас является настолько само собой разумеющимся, что мы перестали понимать, что вне католического (соответственно потом и вне католико-протестантского) мира это понятие отнюдь не является единственно возможным. Это понимание истины ближайшим образом может быть выражено фразой: *истинно то, что доказуемо*.

Попробую пояснить это на конкретном примере. Если мы говорим, что дважды два четыре, то это отражает истину, поскольку каждому придерживающемуся иного мнения мы быстро сможем доказать, что дважды два и в самом деле равно четырем. Мы берем два яблока, потом второй раз берем два яблока, и сразу же видно - у нас четыре яблока. То есть факт, что мы могли доказать наше высказывание, для нас равнозначен факту, что наше высказывание истинно.

Вторым важнейшим признаком окцидентального понятия истины является то, что *истина исключительна*. Если мы хотим доказать неверность высказывания "дважды два равно пяти", нам для нашего понимания истины достаточно того, что мы можем доказать: "дважды два равно четырем". С самоочевидностью мы исходим из того, что дважды два не может быть равно пяти, так как установленная, доказанная истина исключает любую другую противоречащую ей истину: дважды два не может одновременно равняться четырем И пяти или четырем ИЛИ пяти.

Третьим важным признаком этого понятия истины является *независимость истины от места, времени и лица*. Истина, по нашему представлению, не заслуживает этого названия, если можно допустить, что в далеком прошлом она была недействительна или не будет иметь нынешней силы в не менее отдаленном будущем, или если ее значимость будет ограничена для определенного места или для определенных лиц. Это, в свою очередь, приводит к выводу, что если утверждение однажды уже признано истинным, то оно везде и всегда им остается, и наоборот.

Отсюда опять же следует, что Бог тоже подчиняется истине и перед Богом дважды два равно четырем, а не пяти. Но поскольку это предложение со всей очевидностью означает ограничение всемогущества Бога, западные богословы утверждали, что Бог не лишается своего всевластия по той причине, что он добровольно подчиняется понятию истины человеческого разума. Конечно, он может захотеть, чтобы дважды два было равно пяти, но они, богословы, точно знают, что он этого не хочет. Правда, эти богословы никогда не говорили, откуда у них такие сведения.

Позволительно проиллюстрировать на конкретном примере, как это высказывание должно воздействовать на христианина, не принадлежащего к римской церкви. Представим себе, что к одному известному художнику однажды приходит незнакомая женщина, которая заявляет, что ее муж желает купить картину и поэтому она хотела бы посмотреть работы художника. Ей показывают все картины, она выбирает одну, говоря что это как раз то, что требуется мужу. Затем она обещает прийти на следующий день и просит подготовить к ее приходу договор о продаже и упаковочный материал. Художник задает вопрос, не захочет ли ее муж приобрести другую картину. На это она отвечает, что это исключено, так как она знает своего мужа так хорошо, что может с уверенностью сказать, какой выбор он сделает. На другой день она приходит с мужем и он покупает выбранную картину.

Какой отсюда следует вывод? Должны ли мы восхититься удивительным знанием человеческой натуры, которым обладает эта женщина, если она может без сомнения и уверенно предсказать, какую картину выберет ее муж? Отнюдь нет. Мы скорее сделаем вывод, что в этом браке доминирует женщина.

Таким образом, тот факт, что Бог, согласно воззрениям римской церкви, подчинился истине, которая в глазах жителя восточной части империи базируется на имеющем большие недостатки человеческом разуме, указывает ему лишь на то, что Запад ограничил всемогущество Бога и подчинил его человеческому разуму.

* * *

Господствующее на Западе мнение, что Бог подчинен человеческому разуму или же добровольно подчинился ему, привело к тому, что истина веры также определялась человеческим разумом. Другими словами, истинной верой могло быть только то, что не противоречило логично-рациональной истине, так как рациональная истина по своей природе не признает никакой другой противоречащей ей истины. Истина веры и рациональная истина стали идентичными понятиями.

Вначале эта идентичность обеспечила западной церкви значительное опережающее преимущество перед христианскими церквями восточных стран, так как спорные вопросы богословия Рим теперь мог решать оружием логики и аргументации. Другая сторона не располагала этими орудиями в том же объеме, так как в восточной части империи считалось, мягко говоря, неподобающим подправлять истину веры скальпелем логического расчета. Это, конечно, не относилось к вопросам истолкования установленных положений, например, канонов различных соборов. И здесь греки оказались вполне равноценными противниками.

На Западе это отождествление истины веры с рациональной истиной имело последствия, важность которых трудно переоценить. Прежде всего, и это лежит на поверхности, общее развитие так называемых естественных наук, беспрестанные поиски к расширению познаний и стремление к открытию новых фак-

тов не были бы возможны без такого отождествления. Поскольку истина соизмерялась с действительностью, то действительность (творение, природа) стала средством познания истины, а тем самым и содержания веры, и приобрела значимость, которая существенно влияла на социальный престиж тех, кто занимался познанием природы, и давала стимул там, где теология и вера давно были забыты. Уже египтяне также знали большую часть Древнего Мира, а китайцы давно изобрели порох, но только дух Окцидента сумел по-настоящему воспользоваться этими открытиями и изобретениями. Гегемония Европы над всем остальным миром (апогей которой приходится на вторую половину XIX в.) в немалой степени должна быть объяснена этим понятием истины у людей Окцидента, побуждающим к новым исследованиям и открытиям. Впрочем, оставим естественные науки.

Обозначенная выше идентичность истины веры и рациональной истины имела дальнейшим последствием, что истина веры тоже соизмерялась действительностью и доказывалась ею. Наглядным примером служит доказательство существования Бога, являющееся серьезным предметом католического богословия. Жителю восточной части империи сама мысль, что человек со своим недостаточным, ограниченным и несовершенным разумом осмеливается доказывать существование своего Творца, была бы настолько непонятна, что он просто не знал бы, считать ли это шуткой или наглой заносчивостью.

* * *

То обстоятельство, что на Западе истина веры доказывалась и определялась действительностью, что истина веры была тождественна рациональной истине, привело в дальнейшем к тому, что на истину веры все больше влиял процесс познания действительности в результате развития естественных наук. Здесь не место воспроизводить этот процесс в подробностях, достаточно назвать лишь отдельные этапы. Когда Галилео Галилей на основе своего познания действительности опроверг принятую католической церковью геоцентрическую систему мира, церковь подверглась преследованиям ученого, но в сущности оказалась беспомощной, так как сама провозгласила и обосновала зависимость истины веры от познания действительности. Эпоху Просвещения уже нельзя было предотвратить.

Когда в 1826 г. в Мюнхене состоялось праздничное открытие перенесенного из Ингольштадта университета, Франц фон Баадер (известный религиозный философ, оказавший большое влияние на В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева) прочитал актовую речь на торжественном собрании. Уже тогда было ясно, что рациональная истина намного опередила истину веры и что католическое богословие давно уже отстало от общественного, политического, и прежде всего научного развития. Баадер совершенно точно сознавал, что политические преобразования его времени, и прежде всего события, кульминацией которых стала Французская

революция, коренились в этом новом отношении истины веры к рациональной истине, которое появилось в эпоху Просвещения. Однако он не видел, что корнем всего было злосчастное соединение обеих истин, и захотел силой восстановить бывшее единство, в котором рациональная истина по сравнению с истиной веры играла подчиненную роль. Он не обратил внимания на то, что со временем расхождение между обеими истинами стало настолько большим, что воссозданное единство неизбежно привело бы к тому, что одна из них была бы принесена в жертву другой. Он развернул полемику против "...радикального заблуждения, ...что религия по своей сути неразумна, а разум по своей сути нерелигиозен".

В другом месте речи говорится:

"...На том же недоразумении покоится и то старое постоянно возвращающееся противоречие между верой и знанием, которое упразднил

еще Фома Аквинский словами: «*nemo credit contra rationem quia veritas veritati non contradicere potest*» (никто не верит вопреки разуму, ибо истина не может противоречить истине)".

При этом Баадер делает вывод, что в действительности не может быть никакого противоречия между верой и знанием, что за этим мнимым противоречием скрывается скорее противоречие между верой истинной и не истинной, следовательно:

"...религия или церковь, апеллируя к вере человека, требует от него не отказа от его истинного знания, а отказа от плохой веры в пользу хорошей веры".

В настоящее время даже католическая теология давно уже не отстаивает больше эту позицию. Но поскольку она не решается отказаться от однажды выдвинутой ею как постулат роковой идентичности истины веры рациональной истине, теперь она хватается за новый спасательный круг. Так как уже невозможно приспособить рациональную истину к истине веры, она пытается, как раз наоборот, подогнать истину веры к рациональной истине. Все составные части истины веры, которые не согласуются с рациональной истиной, сразу же объявляются аллегориями, метафорами, притчами, образами, фикциями. Я ограничусь здесь лишь тем, что назову имя Тейяра де Шардена, который, обладая поразительной ловкостью интерпретатора, пытается привести в соответствие библейское повествование о сотворении мира с естественнонаучными знаниями о развитии мира и человечества. Более наглядно представить себе внутренний кризис теологии западной части римской империи вряд ли возможно.

Едва ли лучше обстоит дело и в лагере протестантизма. Хотя Лютер все-таки пытался снова добиться торжества Библии над философскими спекуляциями, снова превратить отношения человека к Богу из правовых в отношения любви - что из этого получилось, могу судить даже по собственному опыту. Однажды, будучи подростком, я узнал об этом, к тому же в довольно болезненной форме. Готовясь к конфирмации, я посещал занятия у одного очень уважаемого мною, энергичного и темпераментного пастора, бывшего кадрового офицера. Когда на

одном из занятий он стал говорить, что рассказ о сотворении мира в Библии чистая аллегория, и его нужно понимать как притчу, я поднял руку и дерзко спросил, так ли уж это непредставимо, что мир действительно был создан около семи тысяч лет назад в течение семи дней, и откуда ему, пастору, известно, что правы ученые, а не Библия. Ведь, в конце концов, возможно, что Бог при сотворении мира сам создал ракушки ледникового периода и скелеты ящеров и закопал их в земле, чтобы ученым было что раскапывать и чем забавляться? В ответ я получил увесистую пощечину (последнюю в своей жизни), меня вышвырнули из класса со словами, чтобы свои глупые байки я рассказывал где-нибудь в другом месте.

Таково наиболее краткое и упрощенное изложение истории развития отношений истины веры и рациональной истины на Западе, в котором рациональная истина, заангажированная сначала истиной веры в качестве служанки (*philosophia ancilla theologiae* [философия — служанка теологии]), чудесным образом переросла учителя. Совершенно так, как это описано в стихотворении Гете об ученике чародея.

Как повлиял такой ход событий на отношения между Западом и Востоком?

* * *

Сильнейшее воздействие на противоречия между Западом и Востоком эта ставшая истиной веры и порожденная римской юридической мыслью рациональная истина имела, понятным образом, в регулируемой правом области - области межличностных отношений с их рамками, а именно: государственным устройством.

Отождествление истины веры и рациональной истины на Западе еще больше усилилось вследствие проходившего в разных направлениях исторического развития двух частей Римской империи.

В то время как восточная ее часть еще продолжала сохранять в более или менее ненарушенном виде свою государственную целостность, западная часть империи распалась под натиском варваров, светская структура управления была разрушена, не стало больше чиновничества в прежнем смысле этого слова, судебной системы, ученой светской жизни. Только церковная организация сохранила старую культуру, и только в ней были юристы, специалисты по управлению, писари и учителя, без которых право, управление и образование окончательно погибли бы. Вполне естественно поэтому, что клир и в социальной области взял на себя роль элиты общества, и что образовалась устойчивая прослойка, существовавшая отдельно от народа и чувствовавшая свое превосходство над ним.

Если на Востоке понятие "церковь" охватывало всех верующих, то на Западе слово "церковь" служило прежде всего определением церковной организации.

Не случайно право на причастие под обоими видами клир оставлял только для себя самого. Так он лучше мог обозначить свою дистанцию от народа. Чтобы справляться с ролью верхнего слоя во множестве образовавшихся в западной части старой Римской империи государств, церковь нуждалась в дисциплинированной централизованной организационной структуре. Единство, которое на Востоке обеспечивалось императором, гарантировала на Западе католическая церковь. Неудивительно, что юридические элементы в мышлении этой организации все сильнее выступали на передний план, что даже в вопросах веры все более заметно было стремление к юридической ясности и однозначности.

* * *

Отношения между Востоком и Западом определились, в первую очередь беспрестанным недоразумением, будто в каждом случае другая сторона при использовании какого-либо понятия связывает с ним одни и те же представления и что, таким образом, другая сторона на практике делает такие же выводы, которые ты и сам делал бы на ее месте. На нескольких примерах представлю некоторые явления, чтобы яснее показать, до какой степени понятийные условия из регулируемой правом области, т.е. из области межличностных отношений и государственного строя, которые мы, жители Окцидента, склонны считать общепринятыми во всем мире, в действительности имеют силу только в Окциденте.

На первом месте хочу назвать понятие "лицо". Тертуллиан, а за ним и церковь Запада строили отношения между человеком и Богом на основе частного права, а именно: по образцу *договорных отношений*. Но в договоре человек рассматривается как носитель прав и обязанностей, и это ведет к совершенно непомерному для тогдашних представлений подчеркиванию роли индивидуума в области права. Так как старое римское государственное право примерно со времен Диоклетиана не находило больше практического применения, правовыми понятиями оставались только понятия частного права, а в частном праве все разыгрывается между лицами. Жители Окцидента сейчас, как правило, даже не осознают, насколько сильно право связано с понятием лица.

Возьмем, к примеру, собственность. Может ли, скажем, кружок любителей пива иметь собственность? Конечно нет. Кружок не лицо, а иметь какое-то право (например, собственность двух десятков стеклянных пивных стаканов с надписью "Кружок любителей пива района Сокол") может только лицо. А если члены этого кружка очень хотят, чтобы их кружок имел возможность обладать собственностью, тогда они могут его превратить в юридическое лицо, например в "Общество с ограниченной ответственностью любителей пива района Сокол". Если они это новое общество регистрируют, оно получает от государства статус юридического лица и может участвовать в правовом обороте, например, иметь

собственность, заключать договоры и т.п. Такое юридическое лицо, получившее свой статус от государства, называется "юридическое лицо частного права".

А само государство? Обладает ли государство возможностью иметь собственность? В принципе нет. В принципе государство, как таковое, не обладает никакими правами, которыми обладает каждый трехлетний замавашка, так как трехлетний замавашка —лицо, а государство лицом не является. А иметь права может только лицо. Однако на практике это привело бы к неприемлемым последствиям, а потому юриспруденция исходит из того, что государство, республика, область, муниципалитет и еще несколько (очень немного) подобных образований считаются *по своей натуре* юридическими лицами, так сказать "почетными юридическими лицами". Эти юридические лица, получившие свой статус не от государства, а уже "рожденные" таковыми, называются "юридическими лицами публичного права".

Если я как адвокат в судебном заседании выступаю как представитель интересов господина Майера против Федеративной Республики Германия и мой оппонент-адвокат говорит судье, что ясно, в чью пользу должно закончиться это судебное дело, так как на одной стороне стоят интересы только господина Майера, а на другой - интересы восьмидесяти миллионов граждан страны (разумеется, практически исключено, что какой-нибудь западный юрист прибегнет к подобному аргументу), то я смогу возразить, что чисто в эмоциональном плане мой коллега, возможно, и прав, но юридически здесь противопоставлено субъективное право физического лица "господин Майер" субъективному праву юридического лица "Федеративная Республика Германия" и поэтому моему оппоненту не стоит так пыжиться.

В Окциденте лицо как единственно возможный носитель прав, имеет значимость, которую невозможно переоценить. Но стоит, правда, учитывать, что из факта, что лицо выступает носителем прав и обязанностей, следует, что в некоторых отношениях лицо обладает меньшим весом, чем вне Окцидента (например, в России). Я к этому еще вернусь. В любом случае, перенося окцидентальное понятие лица на мир вне Окцидента, например, на мир православия, мы придем к абсолютно неверным результатам. В принятом нами смысле и развитии выше понимания Византия дала миру только одно "лицо", а именно — императора. Только император мог иметь права. Но и данное определение было бы лишь относителем, поскольку понятие права здесь другое, но оно дает в общих чертах, по крайней мере какое-то представление.

Понятно, что все отношения между отдельным лицом (человеком) и объединением лиц, будь то семья, полис (в Древней Греции), деревенская община, общество (народ), государство и т.п., станут совсем иными, если отсутствует окцидентальное понятие лица, индивидуума. Стоило бы вспомнить старое изречение: "В Риме молятся о спасении души, а в Константинополе - о спасении мира". Этим, пожалуй, все сказано.

* * *

Отсутствие окцидентального понятия лица влечет за собой и отсутствие одного известного типа объединения лиц, а именно: "корпорации", то есть объединения лиц, являющегося юридическим лицом. Католическая церковь была и есть такая корпорация. Корпорации отличаются от других объединений лиц, между прочим, тем, что принадлежность к ним определяется рациональными критериями и что они сами могут иметь и выражать свою волю. Кружок пивных завсегдатаев так же, как и всякий дружеский круг, уже потому не является корпорацией, что наряду с лицами, которые однозначно к нему принадлежат, и лицами, которые так же однозначно к нему не принадлежат, почти всегда есть ряд лиц, о которых нельзя со всей определенностью сказать, принадлежат они к нему или нет.

Каждая корпорация имеет свой внутренний свод правил, принципиально определяющий не только условия членства, но и направленность воли и, помимо этого, содержащий правила, по которым в каждом конкретном случае формируется единая воля корпорации. Этот свод в государстве мы называем конституцией, у других корпораций есть другие наименования, например, статут, общественный договор, устав и т.п. Формирование единой воли корпорации идет по этим установленным правилам. Вспомним, например, выборы в государстве или голосование на годовом общем собрании акционерного общества. Есть такие корпорации, в которых формирование воли делегируется одному лицу, к примеру, в католической церкви с более или менее фактическими ограничениями это делегируется Папе. Подробности процесса формирования воли нас здесь не занимают. В любом случае раз процесс формирования воли закончен и она утверждена и объявлена публично, то она юридически обязательна как внутри корпорации для ее членов (включая правление), так и вне ее для других лиц (физических и юридических, следовательно, и для других корпораций) и либо совсем не может быть изменена или отозвана, либо это возможно лишь при условии соблюдения определенных правил игры.

Совсем иначе дело обстоит за пределами Окцидента. Конечно, там тоже существуют процессы формирования воли внутри данного объединения лиц, например, государства, но они не подчинены юридически утвержденным правилам. Вместо этих правил там играет важную роль фактор, который часто до такой же степени является загадочным для окцидентального человека, как многие выше описанные явления окцидентального мира загадочны для жителя страны вне Окцидента; этот фактор называется "власть". Власть в Окциденте, конечно, тоже существует, но в отношениях между людьми и в отношениях между корпорацией (например, государством) и людьми играет второстепенную роль.

Но здесь я должен сделать две оговорки. И в Окциденте фактор "власть", пожалуй, более или менее знаком историкам, особенно историкам права и истори-

кам политической и общественной жизни. Они встречались с ним в собственной истории до Просвещения, когда он играл решающую роль и в Окциденте. Далее, фактор "власть" в Окциденте был вытеснен из общественной жизни фактором "право", таким образом, он играет роль там, куда право еще не проникло.

Таких областей в Окциденте осталось немного, но некоторые еще есть. На одном из первых мест придется назвать семью. Отношения между отдельными членами семьи, между родителями и детьми, между мужем и женой, до сих пор регулируются главным образом не правом, а эмоциями, то есть нравственностью (справедливостью) или отсутствием нравственности (справедливости). Следовательно, в области семейных отношений власть играет еще известную роль. Но мы видим, что право проникает все больше и в область семейных отношений.

В качестве другого примера я назову отношения между государствами, область международного публичного права. Хотя это одна из самых старых ветвей права вообще, международное публичное право до сих пор очень слабо развито, поэтому в отношениях между государствами до сегодняшнего дня решающую роль играет власть. Но и в этом вопросе роль права крепнет изо дня в день (вспомним о роли Совета Безопасности ООН). Право здесь иногда совсем не применяется, а если и действует, то часто довольно плохо, хотя есть зачатки, которые обнадеживают.

На третьем месте я назвал бы криминальный мир, то, что именуется в Италии и в России "мафией". Внутри мафии право уже не играет роли по определению.

Но кроме этих трех "заповедников" в Окциденте фактически нет областей, которые не регулируются правом, а это означает, что власть в том смысле, в котором она существует вне Окцидента, не играет большой роли.

Чтобы объяснить это положение, разрешите мне привести пример. Я открыл адвокатскую контору и переселился из Германии в Москву в начале 1992 г. В сентябре 1993 г. происходили известные события, так называемый "расстрел Белого дома". Я был потрясен до глубины души и не мог представить себе, что такое возможно. Когда я говорил об этом с русскими знакомыми, они меня спросили, как реагировали бы немцы при таких обстоятельствах. Я им объяснил, что вообще трудно представить себе, что дело в Окциденте дошло бы до применения силы. Если возникает конфликт между разными государственными учреждениями, тогда надо обращаться к праву, право решит конфликт. А так как всем заранее известно, какое решение вынесет право, такие конфликты - редчайшее явление. А в крайнем случае, если действительно не ясно, что приказывает право, тогда надо обращаться в (Конституционный) суд. Применение силы разрешено только, если сторона не подчиняется праву (суду), и это трудно себе представить. Но допустим, что дело дошло до того, что был дан приказ применить силу, стрелять боевыми снарядами в дом, где находятся невооруженные люди, тогда я мог бы со всей уверенностью предсказать реакцию военных, которым дали такой приказ. Сначала солдаты или младшие офицеры — будь то немцы, французы, ан-

гличане или члены другого окцидентального народа — возражали бы своему начальнику, что это запрещено законом. А если это не помогло бы и начальник настаивал бы на своем приказе, то они позвонили бы в близлежащую психиатрическую больницу и попросили бы послать скорую помощь, так как их начальник сошел с ума.

Есть известный и исторически подтвержденный анекдот. На каком-то заседании Ленин говорил о предстоящей пролетарской революции в Германии. Тогда Карл Радек, который долгое время жил в Германии, отлично знал немцев и был очень остроумным человеком, ему возразил: "В Германии не будет революции пролетарской, Вы не знаете их нравов. Если революционному отряду дадут приказ штурмовать вокзал, то сначала все бойцы будут стоять в очереди за перронными билетами, так как без такого билета запрещено вступать на платформу".

Возвращаясь к вопросу о формировании воли внутри объединений лиц вне Окцидента, я бы сказал, что там формирование коллективной воли не подчинено юридически утвержденным правилам, а скорее власти. Но еще важнее то обстоятельство, что там, где отсутствуют корпорации, трудно, и часто невозможно, установить круг лиц, участвующих в процессе формирования коллективной воли. Скажем, на каком-нибудь Вселенском соборе епископа, который хочет не то, к чему стремится император или большинство, или просто раздражает других, вышвыривают вон: "было ошибкой вообще приглашать его!" Нет корпорации "церкви" (такой являлась только часть ее, а именно Западная, Римская патриархия, то есть Католическая церковь, которая охватила только одну из пяти патриархий), из которой любой епископ может быть удален только при соблюдении определенных правил. Есть только организация тех, кто занимает церковные посты. Но организация - это отнюдь не то же, что корпорация. Здесь нет права на участие в соборе, ни прав отдельного епископа, ни прав третьих лиц, выступающих за участие исключаемого епископа в соборе.

Однако и за пределами Окцидента процесс формирования коллективной воли происходит не совсем произвольно. Правда, в расчет принимаются не критерии права, а другие критерии.

Санкционированная воля для отдельного человека вне Окцидента является в лучшем случае основной директивой, но она не обязывающая в юридическом смысле слова. Следование ей в определенных обстоятельствах должно достигаться поэтому принуждением. Правда, и в Окциденте есть люди, которые не хотят соблюдать законы (закон, в конце концов, не что иное, как утвержденная воля корпорации, в данном случае государства), и таких людей нужно наставлять на путь истины наказаниями. Но все-таки это не одно и то же. В Окциденте нарушители закона встречаются реже не потому, что люди там более честные, отнюдь нет, а потому, что человек, преступивший закон, тем самым ставит себя вне общества. Порядочный человек (а почти каждый человек считает себя порядочным, даже если это не совсем так) не захочет подать руки человеку с судимо-

стью, не захочет с ним сидеть за одним столом. Конечно, если человек в ярости убивает мужчину, которого застал в постели со своей женой, это другое дело, после отбытия срока друзья принимают его как ни в чем не бывало; если мать крадет продукты для своих голодающих детей, это тоже простительно. Но если оказывается, что человек нарушил закон или причинил другому ущерб из корыстных побуждений, тогда он лишается всех своих друзей, тогда никто из соседей его больше не узнает на улице, тогда он не находит работу, так как никто не хочет работать с прокаженным в одной бригаде, одним словом, тогда он срочно должен менять место жительства и считать для себя за счастье, если ему удастся устроиться дворником. И это общественное презрение более суровое наказание, чем долгий срок тюрьмы. Таким образом, окцидентальный человек соблюдает закон в первую очередь не из-за страха быть наказанным, а из-за страха оказаться вне общества. А такое случается, как только становится известным, что он преступил закон.

Впрочем, и за пределами Окцидента есть норма, которую соблюдают за редчайшим исключением добровольно и отнюдь не из страха наказания. Она была уже во времена соборов раннего христианства. Собор, как правило, голосовал единогласно, а потому его решение (канон церкви) приобретало двойной вес. С одной стороны, в единоглавном решении проявлялась воля Бога, с другой стороны, каждый, осмелившийся противоречить единодушной воле всех остальных участников собора, получал ярлык нарушителя внутреннего мира и внутренней гармонии ("симфонии"). Поскольку внутренняя гармония принадлежит вне Окцидента к самым важным ценностям общности, нарушитель внутреннего мира становился предателем общности. Вот отчего принцип единогласия красной нитью проходит через всю историю находящегося за пределами Окцидента мира. Задумайтесь только, не говоря уже о Византии, о "liberum veto" (принцип единогласия) польского сейма. "Liberum veto" является очень наглядным примером, так как Польша относительно рано стала во многих отношениях частью Окцидента и ее высшие круги во многом переняли основные составные элементы окцидентального мышления. Подлинный смысл этого юридического института был предан забвению, после чего первоначально важный инструмент обеспечения внутреннего мира превратился в серьезное препятствие для обеспечения внутреннего единства страны. Если бы не было "liberum veto", то Польша в конце XVIII в. могла бы, вероятно, избежать краха своей государственности.

Во втором издании "Большой Советской Энциклопедии" мы тоже прочтем, что Верховный Совет, который насчитывал более тысячи членов, принимает решения единогласно.

Если же при принятии решения был хотя бы один голос против, это означало, что это решение не выполнило своей роли, а именно: не обеспечило сохранения, создания или восстановления внутреннего мира и гармонии, поэтому и не обязывает к исполнению.

* * *

Далее: где нет *лица* и нет *корпорации*, там не может существовать и *юридически связывающего представительства*. В корпорации всегда есть кто-то, в большинстве случаев это возглавляющее ее лицо или несколько лиц, стоящих в главе ее, призванные представлять эту корпорацию. Если обстоятельства того требуют, то эта представительская власть может быть делегирована полностью или частично. Если корпорация "Католическая церковь" (возможно, единственная организация, соответствовавшая современному понятию "корпорация" уже в те времена) решала какие-нибудь вопросы с императором в Константинополе, то папа поначалу формировал волю церкви "в курии". Папа был представителем церкви. Так как он, со своей стороны, не имел ни времени, ни желания путешествовать в Константинополь, он посылал туда легатов. В Константинополе те вели переговоры как представители папы, который, в свою очередь, был представителем церкви. Если легаты подписывали соглашение, то они выступали как представители представителя корпорации (церкви), и в той мере, насколько они связывали себя юридически, корпорация (церковь), как таковая, в той же самой мере была связана юридически.

Вне Окцидента подобные представительские отношения складывались существенно иначе. Император тоже мог иметь представителей, но сам он не был представителем своей империи, подобно тому, как пастух не является представителем своего стада. Подчиненные императора не имели политических прав, которые они могли бы ему делегировать или использование которых они могли бы ему поручить. Его империя не была корпорацией, которая могла бы иметь права. Таким образом, принимая на себя обязательства, он не мог накладывать их на свою империю. В многих случаях такие обязательства переходили к его преемникам, но это зависело исключительно от отношений императора с ними. Если император являлся основным правителем и брал своего преемника в соправители, то ему, конечно, не составляло труда побудить преемника к исполнению договорных обязательств. Если преемник был родственником, например, сыном или внуком, то заповедь "почитай родителей" была бы до какой-то степени гарантией того, что он не нарушит данное отцом или дедом обещание. А если преемник узурпировал власть путем свержения связанного договорными обязательствами императора, то остальное зависело исключительно от него, примет ли он на себя договорные обязательства своего предшественника или нет.

Но даже если византийский император самолично поручал кому-то представлять себя, это отличалось от подобного поручения папы. Папа имел дело с лицами в окцидентальном смысле этого понятия, он им мог делегировать часть своих прав и обязанностей. Император же, напротив, не мог передавать права, которыми он располагал сам, другим людям, которые не являлись лицами в окциден-

тальном понимании этого слова, то есть не были носителями прав. Он передавал своим представителям не права или возможность использовать права, а наделял их своим доверием. Как правило, это различие практически почти не заметно, однако в исключительных случаях оно может иметь очень большое значение. Если я делегирую право, то я могу его точно определить и провести конкретные границы полномочий. Если я сообщу о них партнеру по переговорам, то эти ограничения станут обязательными и для него: мой представитель может связывать меня обязательствами в рамках определенных границ. Если же он перейдет обозначенные границы, то я не обязан выполнять взятые за их пределами обязательства, так как представитель превысил свои полномочия. Но если я просто доверяю кому-то представлять меня, то я не могу ограничить свое доверие. Я или доверяю своему представителю, или нет. Я, конечно, могу дать ему указание не переступать определенные границы, но если он это все-таки делает, я буду связан обязательствами, на которые он согласился, и мне не останется ничего другого, как излить свой гнев на злоупотребившего доверием представителя.

Для средних веков имеет смысл проводить строгое различие между феодальными (ленными) отношениями, построенными на доверии и личной преданности, и верноподданническими отношениями, построенными на правовом господстве и правовом подчинении.

Впрочем, я только что употребил два понятия, которые, строго говоря, не должны употребляться. С одной стороны, я говорил, что император не может связывать обязательствами "свою империю". Но если подходить с более точной оценкой, то Византийской или Восточноримской империи вовсе не было, так как государство не только не являлось корпорацией, оно и в собственном самосознании никогда не могло стать корпорацией, поскольку было невозможно установить пространственные пределы этой корпорации. Император не являлся господином на определенной территории определенного государства, он был наместником Бога на Земле и потому господином всего мира, по крайней мере всего христианского мира.

С другой стороны, я употребил понятие "узурпатор". Оно тоже является окцидентальным понятием, которое в данном случае не подходит, поскольку предполагает неправомочное восхождение на престол. Это, со своей стороны, подразумевает, что император подчинен праву и обязан своим положением праву, то есть что он *легитимен*. А византийский император обязан своим положением *власти*, то есть своему положению, как таковому. Он не может быть в нашем понимании легитимным, законным, так как он несет легитимность в себе самом: если он император, то он легитимен, потому что он император. Император является источником всякого права, вне его права не существует, а если нет права, то, следовательно, нет и легитимности; Восходя на престол, император приобретает легитимность, а теряет ее с потерей своего сана.

Если известный византист² утверждает: "Стоит обратить внимание на то, что свергнутая императрица Ирина в беседе с возшедшим после нее на престол Ники-фором I никак не оспаривает его легитимность, хотя он пришел к власти путем революции", то тут явно допущено смешение понятий. Автору следует возразить, что эта мысль за пределами Окцидента теряет смысл, так как нет права и легитимности помимо права и легитимности императора. Как можно оспаривать перед императором тот факт, что он император!

* * *

Из вышеизложенного далее вытекает, что в Византии, как и вообще за пределами Окцидента, в определенном смысле никогда не было отношений между церковью и государством. Подобные отношения предполагают, что друг другу противостоят две корпорации с различными волями, отличающимися интересами и собственными правами. Но ничего из вышеперечисленного нельзя себе представить за пределами Окцидента. Даже наше понятие государства нельзя полностью переносить на Византию, а спрашивать об отношении византийского государства к церкви имеет почти такой же смысл, как спрашивать об отношении византийского государства к поварскому искусству. В византийском государстве были жители, которые по роду своей профессии занимались приготовлением пищи, и были также жители, профессией которых была забота о спасении души своих сограждан. Византийской культуре делает честь, что вторая группа играла в общественной жизни намного большую роль, чем первая, и что священнослужители по историческим, а преимущественно все-таки по практическим соображениям образовали построенную по иерархическим принципам организацию. Как организация она представляла интерес и для государственного управления. И находившемуся на вершине ее иерархии священнослужителю, патриарху, были даже переданы определенные государственные функции, такие, как венчание императора на престол или его опека до достижения совершеннолетия. Внутри организации священнослужителей патриарх решал только технические вопросы управления, в религиозном же смысле он являлся христианином, как император или самый младший поваренок при императорском дворе. Как христианин он не мог иметь прав в религиозной сфере, но мог пользоваться авторитетом. Но авторитет - это не субъективное право, это вообще не юридическое понятие, а нечто совсем другое.

Совершенно неверно также в качестве доказательства наличия отношений между церковью и государством указывать, как это делается постоянно, на памятник византийского права IX в. "Эпанагогу". В "Эпанагоге" речь вообще идет не о церкви и государстве, а о патриархе и императоре. Но поскольку мы не можем

² Beck, Hans-Georg: *Senat und Volk von Konstantinopel*. München 1966, с. 50.

рассматривать эти лица как представителей корпораций, как я уже пытался показать, то расписанное регулирование "Эпанагоги" дополнительной аргументации в эту сферу не вносит.

* * *

Независимо от этого часто задается вопрос, была ли "Эпанагога" когда-то действующим правом. К сожалению, однако, нельзя дать определение "действующему праву".

Сначала, конечно, стоит напомнить, что не существовало имперского законодательного информационного бюллетеня, который можно было бы в четверг после полудня забрать из имперской типографии и, принеся его домой, прочитать черным по белому тексты вновь принятых законов.

Но это еще не все. Намного сложнее вопрос, что, собственно говоря, понимается

под законом. В стране с традициями Римского права такой вопрос был бы неуместен, но в стране, где таковые отсутствуют, он вполне оправдан.

Законодателем в Византии был император, и он был единственным законодателем. Если император между делом сказал бы своему дворецкому: "Я вчера был в Сенате, там было ужасно темно, позаботьтесь, чтобы впредь там раз в неделю мыли окна", - это закон? Разумеется, нет.

Если император на торжественном заседании Сената сказал бы: "Я вчера проехал по городу, и народ выражал недовольство мною. Позаботьтесь, чтобы в будущем все семьи с тремя детьми и больше должны были бы платить только половину налогов", - это закон? Конечно, да.

А что будет, если император на торжественном заседании Сената вдруг распорядится, чтобы там раз в неделю мыли окна, или своему дворецкому между делом скажет, что тот обязан заботиться о том, чтобы впредь многодетные семьи несли только половину налогового бремени? Вот тогда и появятся проблемы.

Не стоит дальше объяснять, что, *опираясь на содержание* какого-либо приказа императора, практически невозможно выработать пригодный критерий, по которому можно было бы определить, идет ли речь о каком-то мимолетном, в определенной степени "частном" волеизъявлении императора или же об обязательном для всех законе.

Казалось бы, легче всего встать на путь выбора критерия по формальным предписаниям, например, по требованию письменной формы. Но было бы иллюзией полагать, что на этом проблемы с определением понятия закона закончились. Напротив, их стало еще больше. Возникнет вопрос, считать ли законом письменно изложенную просьбу императора к одной из своих возлюбленных в будущем чаще мыть ноги.

Разумеется, можно было бы помимо письменной формы придумать и другие формальные требования к волеизъявлению императора, чтобы его можно было бы назвать "законом". Я не хочу дальше пускаться в курьезные подробности, но прошу поверить мне, что сделать определение "закона" зависимым от формальных критериев еще менее возможно, чем от признаков, характеризующих его содержание. Остается констатировать, что в государстве, где право формируется исключительно монархом, действия которого не ограничены четкими правилами (например, конституцией), очень трудно, а чаще всего невозможно, с точностью установить, какие правила поведения относятся к действующему праву и какие нет.

Поверхностный, но решительный окцидентальный наблюдатель склонен в подобных случаях устранить саму проблему, автоматически перекладывая выработанные Римским правом категории на действительность другой страны и различая при этом два типа правовых норм. К одному типу при таком подходе относятся законы, которые определяются взятыми в основном из Римского права и вследствие этого не совсем подходящими критериями. К другому - правовые нормы, которые при всем желании нельзя квалифицировать как законы и которые на основании определенного сходства с нормами окцидентального права называются "постановлениями", "декретами", "указами" и т.д., то есть имеются в виду нормы, которые "как закон" служат правом, не будучи законами в окцидентальном понимании. Но это только видимость решения проблемы, поскольку здесь единое по своей природе явление произвольно делится на части, которые ему не свойственны. Родовое понятие для суммы явлений, которые частично можно подогнать под него, а частично из него выпадают, логически является бессмыслицей.

Российские правоведы второй половины XIX в., почти все получившие юридическое образование в немецких, то есть в окцидентальных университетах, в условиях царившего в стране самодержавия постоянно сталкивались с этим вопросом. Иные из них израсходовали целые потоки чернил, пытаясь решить эту проблему.³ Им мы обязаны познавательным выводом, что бессмысленно переносить разработанные на основе Римского права юридические категории на режим безграничной единоличной власти, так как суть или, если угодно, "философская" основа права здесь совсем другая. Однако российская правовая наука не смогла дальше разработать соответствующей терминологии, так как в 1905-1906 гг. Российская империя произвольно и во многом вопреки реальности была превращена в конституционную монархию.

В данной связи возникает другой, принципиальный и очень важный вопрос. Допустим, что на самом деле с помощью критериев и понятийного аппарата Римского права удалось бы понять и определить различие между законодательными волеизъявлениями византийского императора и волеизъявлениями, относя-

³ Здесь на первом месте надо упомянуть Н.М. Коркунова.

щимися к его частной жизни. Что этим было бы достигнуто? Вполне очевидно, что византийцы и сам император не видели здесь различия. Если мы введем такое различие в мир понятий того времени, *мы только затрудним себе понимание правового мышления той эпохи*. Мы должны опасаться прилагать масштабы и мерки нашей юридической терминологии к государству, находившемуся вне традиции Окцидента, поскольку эти мерки и масштабы здесь не подходят и не могут подходить. Это предостережение имеет значимость не только для средневековой Византии, но и для сегодняшней России.

Когда византийцы, которые в данной статье постоянно служат примером отличного от окцидентального мышления мира, говорят об императоре как о "nomos empsychos" (одушевленный закон), то к этому надо относиться буквально. Пусть при этом нас не собьет с толку то, что мы можем прочесть уже у Цицерона (de legibus 3, 1, 2): "magistratum legem esse loquentem, legem autem mutum magistratum" (судья является говорящим законом, а закон немой судьей). Еще Теодор Момзен обратил внимание на то, что часто одни и те же юридические термины в Римской республике имеют полностью другое смысловое содержание, чем, например, позже при императоре Юстиниане. Здесь совершенно ясно, что магистрат, прежде всего претор, является *lex loquens* как *представитель законодателя*, как представитель Сената и народа Рима, в то время как византийский император является nomos empsychos как единственный законодатель, поскольку над ним и помимо него не было другого законодателя, так же как и в Римской республике не существовало высшего законодателя помимо Сената и народа Рима. То, что император не мог действовать полностью произвольно, еще покажет дальнейшее изложение; во всяком случае, однако, он не был связан узами права.

* * *

Есть еще одно понятие, о котором я обязательно хочу сказать, так как оно по своему содержанию сильно различается в Окциденте и вне Окцидента, это понятие *компетенции*. Компетенция в рамках традиций Римского права предполагает оформление понятия лица, потому что компетенция означает выделение задач для их решения под собственную ответственность. Но собственную ответственность может нести только лицо, которое является также носителем прав и обязанностей. Где нет компетенции, там нет и самоуправления. Из этого вытекает, что Византия, как и другие государства, вне пределов Окцидента могли и могут иметь только централизованное управление, если у них вообще есть хоть какое-то управление, и что хорошо функционирующее управление предполагает наличие огромного бюрократического аппарата, так как в конечном итоге ответственность за все решения может принимать на себя только носитель прав. Если таковым является император, то только он и несет ответственность за все решения.

Но вследствие этого он должен требовать для себя непосредственного влияния, то есть неограниченной власти своих приказов, а также неограниченных возможностей для контроля за исполнением этих приказов.

Выходом из такой ситуации был феодализм, но не в шаблонном марксистском понимании как формы социально-экономических отношений, а в первоначальном и подлинном смысле как формы осуществления господства. В феодализме мы снова наблюдаем уже описанные выше отношения представительства. Уже говорилось, что, если император назначал кого-то своим представителем, он передавал ему не права или пользование прав, а наделял его своим доверием. В приводившемся примере речь шла о выполнении ограниченного по времени и кругу решаемых вопросов задания, о проведении переговоров с представителями другой державы. Но подобный социально-правовой рисунок может употребляться и в совсем другой связи, а именно при управлении частями страны. Монарх может наделять своим доверием третьи лица, а именно: наместников, князей, сатрапов и т.д., на неопределенный срок или даже наследственно. Мы говорим тогда о ленных отношениях и называем этот институт феодализмом.

На примере феодализма, кроме того, можно продемонстрировать, как использование окцидентальным историком собственных категорий, разработанных на основе Римского права, часто искажает истинное положение дел и ведет к анти-историзму. Феодализм, как известно, определял целую эпоху в западноевропейском развитии. Но именно в эту эпоху католическая теология. Римское право и возникшее на его основе мышление завоевали большие части Западной Европы, которые превратились в Окцидент, как он понимается в данной статье. Естественно, что и институт феодальных отношений изменился. Он утратил свою характерную черту, а именно основу личного доверия. Место личного доверия теперь заняло правовое регулирование, хотя старые формы еще сохранялись довольно долго.

Когда нынешние западные историки рассматривают феодальные отношения и их развитие, они часто приходят к выводу, что при зарождении этих отношений все было очень запутано и неясно, отсутствовала системность, а поведение участников часто было противоречивым, все, очевидно, зависело от личной точки зрения. Более поздние отношения прослеживаются легче, они понятнее и в них уже видна рационально-логическая система. Конечно, историки пытаются понять природу феодализма по его более позднему облику, используя его и для объяснения противоречивых и непонятных деталей раннего периода, так как после вытеснения отношений доверия правовыми внешние формы еще сохранялись. Первоначальный критерий феодализма, а именно, что отношения строились на личном доверии, а не на праве, часто ускользает от их внимания. Однако феодальные отношения никогда не играли в Византии большой роли, поэтому я опять могу возвратиться к понятию компетенции.

К ней не имеет никакого отношения факт, что в каком-то конкретном случае выполнение определенных задач делегируется тому, кто знает предмет лучше всех. Это отнюдь еще не обосновывает юридическую компетенцию. Конечно, капитаном корабля лучше назначить бывшего моряка, а не заслуженного бухгалтера. Знания и способности кандидата, его профессиональная пригодность или вспомогательные средства и личные качества, которыми он располагает, часто определяют принятие решения о передаче выполнения определенных задач. Мы часто называем кого-то компетентным, но имеем в виду прежде всего способности и личную пригодность, не задумываясь при этом о компетенции в правовом смысле.

Внутри христианского мира преимущественно патриарху Запада, епископу Рима, поручалось разрешать важные споры, так как в его распоряжении, несомненно, находились лучшие юристы, и потому он считался компетентным. Но неверно из этого делать вывод, как это сегодня старается делать католическая церковь, что уже тогда у патриарха Запада было какое-то верховенство над другими патриархами пентархии. На епископа Рима, древней столицы империи, смотрели лишь как на "primus inter pares" ("первого среди равных").

* * *

Теперь вернемся к понятию лица. Я уже отмечал, что лицо как носитель юридически определенных прав и обязанностей имеет в Окциденте значение, которое несравненно больше, чем за его пределами. Но здесь следует подчеркнуть, что определение "как носитель юридически определенных прав и обязанностей", с другой стороны, роль лица и ограничивает. Лицо ставится Римским правом в четко очерченные рамки и - что даже более важно - эти рамки для всех одинаковы, они скроены под абстрактное понятие "лицо", а не под конкретного человека (личность). Право не должно принимать во внимание личность, конкретного человека, поэтому Фемида и носит повязку на глазах. Поскольку предписанные правом ограничения за пределами Окцидента отпадают, "сильная личность" там может развиваться более свободно. Для жизни общества это имеет как определенные преимущества, так и существенные недостатки. Если "сильная личность" смыкается с властью, а это случается довольно часто, потому что сильная личность, как правило, стремится к власти, то произвол не будет ограничен правовыми рамками. Тем более, что средства для ограничения произвола там намного менее действенны, чем рамки права.

Неокцидентальному человеку чрезвычайно трудно уловить разницу между лицом, которое абстрактно относится к области права, и личностью, которая конкретно относится к области межличностных отношений повседневной жизни. Это становится особенно очевидным, когда лицо занимает какой-нибудь пост. Поясню это на двух примерах.

В качестве адвоката я однажды участвовал в разрешении спора вокруг одного церковного земельного участка. Спор вели две так называемые юрисдикции зарубежной Русской православной церкви. Большинство эмигрировавших в западные страны приверженцев этой конфессии отделилось от оставшейся в России и подвергавшейся сильному влиянию советского режима церковной организации и объединилось в несколько новых церковных структур - так называемых юрисдикций, иные из которых ожесточенно соперничали между собой. Одна из таких юрисдикций, к которой относится большинство живущих в Германии русских эмигрантов, в середине 30-х годов получила статус юридического лица (немецкого) публичного права, который ей значительно облегчил жизнь в Германии. Соответствующий документ был подписан тогдашним министром внутренних дел Пруссии Германом Герингом, занимавшим в национал-социалистской иерархии второе или третье место после Гитлера. Действительно, по правовым причинам, которые мы здесь опустим, то обстоятельство, что в споре двух сторон одна из них была корпорацией публичного права, давало значительные преимущества в оспаривании земельного участка. Я обратил внимание своих клиентов, которые представляли другую сторону, на это обстоятельство и добавил, что считаю шансы выиграть процесс минимальными. Мои клиенты были возмущены и заявили,

что суд наверняка не придаст значения тому, что противная сторона представляет корпорацию публичного права, так как она получила этот статус от преступника, приговоренного к смертной казни на Нюрнбергском процессе. Мои усилия объяснить им, что этот статус присвоен не личностью "Герман Геринг", который был одним из лидеров национал-социализма, а государством, представленным лицом тогдашнего министра внутренних дел, не возымели действия. Им было и осталось непонятным различие между личностью "Герман Геринг" и должностным лицом "министр внутренних дел". Когда я отказался представить это обстоятельство на суде как важный аргумент в их пользу, у нас произошел разрыв, и мои клиенты обратились к другому адвокату.

Интересно отметить, что этими моими клиентами в основном были эмигранты так называемой "первой волны", эмигрировавшие на Запад в начале 20-х годов. Иными словами, когда их родители переехали на Запад, они были еще маленькими детьми или родились уже в Германии, там же закончили школу и учились в университетах. Немецкий был их вторым родным языком, но в этом отношении они еще не стали жителями Окцидента. Для этого требуется, видимо, более чем одно поколение.

Другой пример из ряда уже курьезных. Один из моих клиентов, будучи очень молодым, во время Второй мировой войны попал в Германию как военнопленный. После войны ему удалось там остаться. Он долгое время работал на стройке, основал небольшую строительную фирму и добился скромного достатка. Он был женат на немке и говорил на чистом баварском диалекте. Мой клиент купил для семьи дом и представил в соответствующую инстанцию план перестройки и расширения дома, однако разрешения не получил. Он захотел добиться своего в судебном порядке. Я ознакомился с документами и объяснил ему, что считаю иск бессмысленным, так как, по моему мнению, разрешение не было дано по вполне законным причинам. На это он ответил, что я еще не знаю самого главного. У родственников его жены есть хорошие друзья, которые, в свою очередь, дружат с женой чиновника, не давшего разрешения на перестройку дома. Из этого источника мой клиент также узнал, что данный чиновник присвоил большую сумму казенных денег, но это обнаружилось, и несколько недель назад он был приговорен к длительному тюремному заключению и наверняка будет уволен со службы. Таким образом, вынесенный им отказ потеряет силу. Когда я попробовал ему объяснить, что это совсем разные вещи и что отказ никоим образом не связан с личной жизнью этого чиновника, он сначала не знал, что сказать, а потом, заявив, что я, очевидно, совсем не способный адвокат, собрал свои бумаги и, не прощаясь, покинул мой кабинет. Оплатить мои услуги он, разумеется, тоже не захотел.

Курьезы курьезами. Но любой западный адвокат и западный бизнесмен, которые когда-либо вели переговоры с советскими или нынешними российскими властями или экономическими инстанциями, могут рассказать массу историй о

том, как все нужно было начинать сначала, если ответственное лицо с российской стороны умирало, перемещалось или продвигалось по службе, или же уходило со своего поста по другим причинам, и дело требовалось вести с преемником. В сто первый раз тут же выяснилось, что каждое согласие, каждая договоренность есть не согласие представителя или органа юридического лица "государство" или юридического лица "фирма", а личное обещание партнера по переговорам, которым его преемник, конечно, не связан.

Когда после окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции молодое советское государство отказалось оплачивать займы и долги Российской империи, тогдашнему российскому правительству было совершенно непонятно возмущение цивилизованного мира, вызванное этим отказом. Согласно нормам права государство сохраняет свою идентичность, если люди у власти меняются. Эта идентичность сохраняется даже тогда, когда власть в государстве становится на другую идеологическую платформу. И это вполне очевидно и понятно, если опираться на разработанные на основе Римского права понятия лица и корпорации.

Интересно проследить, как за годы существования Советского Союза там постепенно поняли, что в современном мире нельзя длительное время не соблюдать нормы международного права, - а это в своей основе положения Римского права, - и Советский Союз тоже подчинился им. Однако, с другой стороны, это не было добровольное подчинение. Вплоть до развала Советского Союза это подчинение рассматривалось как вынужденная мера, вызванная политическими обстоятельствами. Международное право оставалось чужеродным напластованием в политическом мышлении СССР среди прочего и по следующей причине: мышление в Окциденте, в котором право ставится на более высокую ступень, чем этические ценности, диаметрально отличается от мышления за пределами Окцидента. Нормы международного права принимались во внимание по прагматическим соображениям, но даже передовыми советскими политиками все же считались не соответствующими обстоятельствам: дескать, как может абстрактно утвержденное право вести к справедливому разрешению конфликта, если обстоятельства конфликта еще не были известны, когда правовые нормы утверждались?

* * *

После взятых из современной истории примеров вернемся к Византии. Не стану повторять, что упомянутое идентифицирование абстрактно определенного лица и конкретной живой личности, в особенности в сфере государства, управления и права имеет далеко идущие последствия. Вероятно, излишни новые подробности. Однако один момент хотелось бы подчеркнуть особо.

Из-за отсутствия представительства, корпорации и компетенции в окцидентальном смысле, а также иного понимания "лица", каждый приказ, распоряжение и часто даже закон - а закон в конечном счете не что иное, как разновидность приказа или распоряжения - вне Окцидента понимается и может пониматься в виде приказа или распоряжения определенной личности, но не как волеизъявление корпорации, например, юридического лица "государство" (для каждого жителя Окцидента указ, которым немецкой ветви Русской православной церкви было присуждено свойство юридического лица публичного права, был указ Германского Рейха и никого не интересовало, кто его подписал при условии, что подписавший на данный момент имел соответствующую компетенцию. Для русского эмигранта это был указ злодея и палача Германа Геринга). Вне Окцидента вопрос, имеет ли распоряжающийся компетенцию отдавать именно такой приказ, никого не волнует. Напротив, получатель приказа в первую очередь спросит, есть ли у отдающего приказ *власть* проследить за исполнением его.

* * *

За пределами чисто юридической области Римское право и связанное с ним рациональное понятие истины, ставшее содержанием веры, имели и другие последствия, которые по своему значению превосходят вышеупомянутые. Я здесь хочу назвать только одно, а именно вопрос о *толерантности*.

Рациональная истина не терпит рядом с собой никакой другой истины. Если дважды два четыре, то это высказывание верно, а любой другой результат ошибочен. Поэтому настоящая толерантность, допускающая существование другой истины, которая противоречит вашей собственной, больше невозможна, по двойной причине. Во-первых, всякая другая истина неправильна, если правдой обладаю я и наши точки зрения несовместимы. Во-вторых - и это гораздо важнее - признание чужой истины тогда неизбежным образом означает, что я отрицаю мое собственное убеждение, свою истину и предаю ее. Вот отчего в Окциденте понятие толерантности имеет значение терпимости, невмешательства во что-либо. Говоря точнее, употребляемое нами латинское слово "толерантность" коварно. Не будь мы жители Окцидента, мы, возможно, говорили бы об "акцептовании" (признании). Но если другая истина не признается истиной, то от невмешательства до вмешательства всего лишь маленький шаг. Совершенно неудивительно поэтому, что во имя истины в христианском Окциденте было пролито столько крови.

Особенно четко прослеживается это даже не во внутренних конфликтах, таких как донатизм, арианство, истребление албигойцев, гуситские войны, истребление гугенотов, Тридцатилетняя война и далее вплоть до конфликтов в современной Северной Ирландии. Еще более наглядно, по-моему, феномен завоеваний. Где бы под знаменем окцидентального христианства ни завоевывались новые

территории, они сначала омывались потоками крови. Достаточно сравнить оба завоевания Иерусалима сарацинами, где кровопролитие заканчивалось сразу после прекращения сопротивления христиан, и единственный успешный завоевательный поход христиан, когда после прекращения сопротивления мусульман настоящее кровопролитие только начиналось, и за три дня было вырезано почти все население, включая больных, стариков, детей и женщин. Или взять реконкисту в Испании, подарившую Окциденту институт инквизиции. Или — завоевание Америки, на юге католиками, на севере — преимущественно протестантами, следствием которого явилось уничтожение большей части коренного населения. Для сравнения: при завоевании Сибири русскими, то есть православными христианами, коренное население сохранилось фактически полностью. В средние века западная церковь охватила своей миссией и самые низшие слои населения, следствием чего было преследование ведьм. А колонизация Африки и торговля рабами...

В качестве последнего примера, вопреки возражению иных читателей, я хотел бы привести тот факт, что в Окциденте после отделения в эпоху Просвещения истины веры от рациональной истины, о чем Франц фон Баадер очень трогательно сожалел, старая католическая мысль о рациональной истине как единственной истине была подхвачена известным господином Карлом Марксом из Трира, еще раз заново разогрета и преподнесена для потребностей своего времени. В Окциденте эта идея уже выдохлась и не могла доставлять слишком больших дивидендов. А в стране, где эта мысль была нова, истине веры, которую можно было рационально доказать, по крайней мере у менее изысканных умов был обеспечен огромный успех. Последствия известны: о них мы можем достаточно много прочесть у Александра Солженицына в "Архипелаге ГУЛАГ".

Каждому медику известно, что отравленный организм сам лучше всего знает, какое противоядие более всего подходит для выздоровления; рациональный разум может осторожно поддерживать подобный процесс извне. И здесь противоядие возникло, главным образом из католического правового мышления. Как уже говорилось, это мышление создало новое понятие лица - лица как носителя прав. Так как рациональная истина была содержанием истины веры, а рациональная истина и право слились в единое целое, то, следовательно, и право стало содержанием истины веры, право стояло с Богом на одной ступени. Таким образом, выходило, что лицо как носитель прав получило свои права от Бога или от источника того же ранга, следовательно, их у него отобрать уже было нельзя: *на свет была произведена мысль о неотъемлемых правах человека.*

Эти права человека и являются тем противоядием, которое "лицо" может противопоставить нетолерантности рациональной истины. Если мы проследим историю развития прав человека, то мы придем к выводу, что идея о правах человека с некоторым временным разрывом всегда следовала за идеей рациональной истины, демонстрируя свойство некоего противоядия. Не имея возможности бо-

лее подробно рассматривать эту тему, ограничусь псевдодоказательством "post hoc ergo propter hoc" ("после этого, значит, по причине этого").

* * *

Для жителя Окцидента так же трудно отойти от привычных категорий своего мышления, как для жителя стран вне Окцидента освоить категории окцидентального мышления. Все, что не подводится под эти категории, есть "эмфатическое мышление", риторика или лирика, эмоции или романтические мечтания. В лучшем случае, это что-то очень милое, но не научное. Если богослов отказывается воспринимать другие категории мышления, тогда я не знаю, чем ему помочь, тонкости теологии - не моя специальность. Для историка же это неприемлемо. Медиевист обязан подумать, что, собственно говоря, остается от феодальных ленных отношений в их первоначальной форме вассал-сюзерен, если убрать понятия "доверия" и "преданности". Сначала эти понятия не были постигнуты с рационально-логической точки зрения. Когда же их, наконец, юридически определили и истолковали, они, соответственно с природой явления как будто бы утратили свое значение. Исторiku, изучающему современность, стоит вспомнить, что еще несколько поколений назад понятие "честь" имело большое значение не только в отношениях между людьми, но и в государстве. В отдельных случаях это понятие могло даже вытеснить право. Когда сегодня в Окциденте мы насмешливо называем понятие чести риторикой или лирикой, то это, конечно, отвечает духу времени, но, во-первых, мы подтачиваем тем самым фундамент нашего - ох как научного! - Окцидента, и, во-вторых, показываем себя плохими историками, следовательно, плохими учеными.

Итак, помимо наших окцидентальных, рационально-логических категорий мышления, существует целый ряд принципов - *ценности*, которые стоят для мира вне Окцидента на той же ступени, что для Окцидента право и разум, и в той же мере для мира вне Окцидента являются источниками познания и истины. И от них ни в коем случае нельзя отмахиваться, именуя их "ненаучными".

* * *

Коротко остановлюсь на позиции, действующей вне Окцидента и противоположной окцидентальной позиции, на тех принципах, которые могут вытеснить право и разум как источники истины. Интересно проследить, на каких принципах строятся не только отношения между людьми, но и рамки этих отношений, государственный порядок, если в их основе лежит не католическое, взятое из Римского права понятие истины.

Для начала хочу продемонстрировать это на одном бытовом примере. Однажды я находился несколько дней в небольшом городке в Средней Азии, где каждый день обедал и ужинал в отеле "Интурист". В первый день я обнаружил на столе меню с датой, в котором были указаны по меньшей мере десять превосходных блюд. По советскому обычаю я спросил пожилую, полную, очень симпатичную и, как выяснилось, неглупую официантку: "Что есть на самом деле?" Она ответила: "На первое – борщ, на второе - бараньи котлеты с картофелем и капустой или пшеничная каша с молоком, на третье - компот из яблок". Я заказал бараньи котлеты. Вечером на столе лежало новое меню с десятью другими тоже превосходными блюдами. Я опять спросил: "Что есть на самом деле?" - "На первое - борщ, на второе - бараньи котлеты с картофелем и капустой или пшеничная каша с молоком, на третье - компот из яблок". На этот раз я заказал кашу. Игра повторилась еще четыре раза. Днем и вечером каждый раз я находил на столе новое меню с чудесными блюдами, но каждый обед и каждый ужин предлагалось на первое – борщ, на второе - бараньи котлеты с картошкой и капустой или пшеничная каша с молоком, на третье - компот из яблок. В последний вечер мы немного болтали с официанткой и я, между прочим, спросил, почему на каждый обед и ужин пишется новое меню, если все равно предлагается одно и то же. При этом я сказал, что содержание меню для меня — неправда, похожая на обман.

Официантка строго посмотрела на меня и произнесла примерно следующее: "Молодой человек, мы бедная страна. То немногое, что мы имели, у нас в войну отобрали или разрушили фашисты. Но когда-нибудь все у нас наладится, и на каждый обед и ужин действительно будет предлагаться десять разных блюд. Но если мы сейчас не будем писать для каждого обеда и ужина новое меню, то молодое поколение так и не узнает, как положено на самом деле, оно не будет знать, что в гостинице каждый обед и ужин в меню должны быть десять различных блюд. Поэтому у Вас нет права говорить, что меню неверно".

Для официантки как для жительницы страны вне Окцидента критерием правды или лжи не была действительность, а это значит, *то, что есть*, для нее критерием было идеальное состояние (ценность), а это значит *то, что должно быть*. Так содержание меню для нее было верным. А для меня, жителя Окцидента, для которого источник истины — действительность, и только действительность, содержание меню являлось ложью.

На этом курьезном примере видим, что, помимо действительности и вытекающих из нее последствий, существуют и другие источники истины. В странах вне Окцидента эти другие источники нередко имеют ту же значимость, что и признанный в Окциденте единственно возможным источник, а именно: действительность. Тем самым на примере меню мы легко возвращаемся мыслью к церемониалу византийского двора, к понятиям традиции и почтения к преданию, к понятиям прогресса и вопроса о соотношении между формой и содержанием, между

видимостью и реальностью, между реальностью и идеалом, между правом и справедливостью. Назову здесь еще мировоззренческие устои, которые за пределами Окцидента рассматриваются как признанные источники истины. Наряду с уже названными категориями чести, доверия, традиции и церемониала это прежде всего *philantropia*, *harmonia*, *symphonia*, *oikonomia* (в богословском смысле), справедливость, авторитет и приличие.

Эти понятия ограничивали и ограничивают произвол власти, как произвол императора в Византии, так и произвол других властей в современном мире вне Окцидента. Для современного мира к этому перечню надо прибавить еще идеологию. Эти понятия не занимают место разума и права, но они стоят с ними на одной и той же ступени и имеют ту же значимость.

Во всех перечисленных мною случаях речь идет о ценностях, то есть о понятиях, которые мы относим к области этики. В Окциденте этика на практике имеет подчиненное праву положение. Конечно, отношение между "ценностью" и "нормой права" пока и там окончательно и во всех подробностях не выяснено. Разумеется, кое-что и там еще оспаривается, но незыблемым остается принцип: если этика вступает в противоречие с существующим правом, то она должна уступить праву, так как оно имеет преобладающее значение.

Естественно, Окцидент прилагает большие усилия, чтобы не допустить возникновения подобных конфликтов. Уже при установлении норм действующего права обращается внимание на возможность возникновения подобных конфликтов при использовании новой нормы. Однако это ничего не меняет в вышеупомянутом принципе. Лучшим доказательством тому служит факт, что право само в определенных экстремальных ситуациях прибегает к урегулированию, позволяющему не брать во внимание правовые нормы для защиты этических ценностей. Но исключения опять же регулируются правовыми установками, где подобные ситуации четко обозначены согласно рационально-логическим критериям и ограничены узкими рамками. Иначе говоря, только право может решать, в каком случае оно уступит этике. И только в Окциденте судья может пожалть плечами, выражая сожаление: "Мне очень жаль, но я Вас должен наказать. Я полностью понимаю Ваши действия. На Вашем месте я поступил бы так же. Но закон не позволяет мне оправдать Вас".

Поэтому терминологически одинаковые ценности в конечном счете различаются, употребляются ли они в Окциденте или в странах вне Окцидента. Не потому, что они обладают иной сутью, а потому имеют другие функции. В Окциденте они подчиняются праву, в странах вне Окцидента они стоят не на ступеньку ниже норм права, а имеют ту же значимость, что и эти нормы. Говоря другими словами, правовые нормы там имеют более или менее такие же функции, как и этические ценности, от которых первые различаются лишь тем, что они когда-то были сформулированы законодателем - народным собранием античного полиса или императором Византии. Не случайно для обозначения как этической запове-

ди, так и юридического закона употребляется одно и то же слово "nomos". Различие существует только для окцидентального юриста.

Отсюда становится ясным, что связывало действия императора, когда он издавал законы и управлял своей империей: этические заповеди. При неоднократном нарушении им нравственных постулатов он утрачивал свою легитимность и превращался в тирана. Тогда должен был вмешиваться народ. Применяя окцидентальные понятия, можно сказать, что тут в основе лежит форма суверенитета народа, но такого суверенитета, который определяется не юридически, а этически.

Вне Окцидента эти ценности непосредственно касаются отношений между людьми. Это образует основу того, что не существует и не может существовать различия между лицом - носителем прав и обязанностей - и личностью, которая подчиняется "только" этике. Многократное тому подтверждение уже приводилось. Итак, там не существует имеющегося в Окциденте различия между поведением индивидуума как частного лица ("личности") и его поведением как должностного лица. Сидя за своим письменным столом, чиновник господин Майер отклонит мое заявление. Но если же я встречу его в тот же самый вечер в кабаке, то он скажет мне: "Зачем Вы написали, что будете использовать подвал как жилое помещение? Я не мог не отклонить заявление. В следующий раз не указывайте это, и Вам разрешат перестройку дома". Поэтому там нет различия между государством, которое отвечает за право, и отвечающим за этику обществом, можно сказать даже, отвечавшим, так как право тут быстро вытесняет этику. Последнее слово остается не за нравственностью, а за государственным запретом.

По тем же самым причинам вне Окцидента столь стерты различия между государством и церковью или - в советские времена - между государством и партией. Если самой благородной задачей государства является сохранение нравственности и морали, то государство отвечает за состояние и спасение души человека, а позже за его идеологическое мировоззрение. Окцидентальный человек возразил бы здесь, что такое отождествление ролей церкви и партии неоправданно, ведь на самом деле все устроено наоборот: раньше государство использовало церковь как учреждение, отвечавшее за этику и спасение душ, позднее, при социализме, партия использовала государство как учреждение, отвечающее за управление повседневной жизнью. Иными словами, раньше государство обладало господствующим положением, в то время как церковь играла обслуживающую роль. Потом, при социализме, господствовала партия, а к государству перешла обслуживающая роль. Таким образом, в пределах единого организма роли могут меняться.

Окцидентальному человеку очень трудно отойти от своих категорий мышления. Для него государство, церковь и партия - корпорации, которые либо уже договорились между собой о разделении различных прав, задач и компетенции, либо, может быть, еще спорят об этом, корпорации, которые имеют собственную волю и которые не обязательно независимы друг от друга, но отношения между

которыми складываются по меньшей мере на основе уже установленных или устанавливаемых правил.

Вне Окцидента таких различий нет. Аппарат власти представляет собой единый организм, имеющий разные отделы, которые отвечают за выполнение различных задач, хотя часто даже неясно, какой отдел за что отвечает. Не случайно, что вне Окцидента в части организма, соответствующей нашему "государству", никогда не было и не могло быть разделения власти. Юрист, политолог или историк говорят о государстве, обычный человек говорит о власти, а если он имеет в виду конкретную деятельность аппарата для осуществления господства, он употребляет это слово в множественном числе - "власти". И сюда относится любой, у кого есть власть, а эта власть почти не ограничена ни правом, ни самой важной его функцией, а именно компетенцией. Поэтому не имеет значения, какой отдел аппарата власти играет первостепенную роль. Это зависит от политических реалий и может относительно быстро меняться, не за один день, конечно, но от поколения к поколению и даже от десятилетия к десятилетию.

Но у окцидентального человека есть одно смягчающее обстоятельство: научные изыскания в области отношений людей между собой и их классификации как "право" и "компетенция" являются изобретением Окцидента. Это сразу понятно, когда читаешь Аристотеля или Ленина (я не хочу поставить Ленина на одну ступень с Аристотелем, просто оба они являются типичными представителями политического мышления за пределами Окцидента), не право и компетенция имеют у них первостепенное значение, а власть, этика или ее суррогат, идеология. А так как терминология теории и науки была перенята с Запада, неудивительно, что окцидентальный человек путается в этом вопросе. Что касается понятия "церковь", то богословы и византинисты уже выяснили, что это не совсем одно и то же в Окциденте и вне его. Политология и так называемые советологи последних поколений установили, что с понятием "партия" дело обстоит так же. Что же, однако, касается понятий "государство" и "общество", то здесь пока нет полной ясности.

В этой статье больше говорилось о Византии, чем о России. Однако Византия наиболее ярко и наглядно представляет христианский мир за пределами Окцидента. Вопрос о зависимости России от Византии по-прежнему является дискуссионным. Следует различать государственно-правовую, а также культурную и духовную зависимость. Через Византию восточное славянство переняло православие. Сама русская письменность сложилась под сильным и длительным воздействием византийской литературы. В этой области византийское влияние очень велико. Но что касается государственного устройства, параллели и сходства, которые мы постоянно находим, сравнивая оба эти государства, гораздо в большей степени опираются на схожие отправные позиции. И Византия, и Россия – исконно христианские государства, они были или являются исконно евро-

пейскими державами. Но они не относятся к римско-католическому миру и в них не проявило себя Римское право.

* * *

Что касается России, то следует отметить, что великий князь и князья обладали легитимностью, которая покоилась на наследственном происхождении. В отличие от Византии в России вряд ли можно говорить о каком-либо суверенитете народа, пусть даже не правовом, а определяющемся этикой. Это привело к тому, что великокняжеская власть имела более прочный фундамент, нежели власть императора в Константинополе. Когда во времена архиепископа Геннадия Новгородского монах-доминиканец Вениамин познакомил Россию с окцидентальным понятием истины, то Иосиф Волоцкий, используя его, смог на имеющемся фундаменте построить русское учение о власти Великого князя, которое, подхваченное и расширенное Иваном Грозным, затмило все то, что приблизительно в то же самое время в Окциденте разработал Никколо Макиавелли, а спустя 80 лет - Жан Боден.

(Перевод с немецкого Татьяны Кобзевой и Юрия Оклянского)